

Семен Франк

Религиозные основы общественности.
Человечество переживает в настоящее время один из тягчайших и глубочайших идейных кризисов, когда-либо им испытанных. Старые верования пришли в упадок и не имеют власти над сердцами; новой веры не видно – человечество не знает больше, к чему оно должно стремиться, для чего жить, какие начала оно должно воплощать в жизни. Так как последняя проверка мировоззрения есть его приложение к жизни, опыт согласной с ним жизни, то этот идейный кризис отчетливее всего обнаруживается в факте общественной безыдейности и общественного неверия. На словах или в отвлеченном размышлении большинство людей как будто еще имеют какую-то веру: одни веруют в христианство, другие – в науку, третьи – в человека и т. п. Но мало у кого осталась та цельная, подлинная вера, которая узнается по ее плодам: вера, определяющая все поведение человека, выражающаяся в ясном и непосредственном понимании добра и зла, должного и недопустимого, в личной и общественной человеческой жизни. Но если в области личной жизни давнишние многовековые навыки еще оставили какой-то след в привычках, как бы инстинктивных оценках и современных людей, если мы – почему-то – и теперь убеждены, что убивать, красть, прелюбодействовать нехорошо, а любить людей, быть воздержным, уважать чужие права и т. п. – хорошо (хотя и тут часто мы верим в это только на словах, а в жизни обнаруживаем сомнения в незыблемости этих оценок, а тем более не имеем верной и обоснованной оценки в сколько-нибудь сложных вопросах нравственной жизни) – то в области общественных идеалов современная мысль являет картину совершенной растерянности. Последний могущественный общественный идеал, который еще недавно волновал и зажигал сердце – социализм – в настоящее время окончательно рухнул; его ложность и призрачность для всех искренне верующих людей одинаково изобличены и в его прямолинейном осуществлении в России, превратившем русскую жизнь в ад, и в трусливом отречении от него в решительный момент, происшедшем в силу какого-то непосредственного инстинкта самосохранения, в среде европейских социалистов. Отныне люди, подлинно ищущие правды и не закрывающие глаза на действительность, веровать в социализм более не могут. А все другие общественные идеалы были подточены и потеряли свою жизненную силу еще раньше; никто уже не может подлинно, всей душой веровать ни в «демократию» с ее «свободой» и «равенством», ни в «прогресс», ни в «просвещение». И если многие, испытав это разочарование, как бы механически отталкиваясь от всего, что раньше почиталось «лучшим», более «передовым» и «идеальным», по инерции откатываются назад и хотят воскресить основы старой жизни, говорят о возрождении «монархии», о «священном праве собственности», о правомерности сословных привилегий, – то эта вера «от противного» не есть настоящая вера, не понимают, что все эти старые начала сами покоились на какой-то непосредственной цельной вере, были плодом общего мировоззрения, которое именно и отсутствует в душах современных людей, – и что их поэтому нельзя заново склотить из их обломков, а можно только взрастить в душах людей, для чего нужно именно соответствующее, отсутствующее теперь, зерно общей веры.

Этот жестокий и как будто безысходный кризис общественной веры, во всей своей действительной силе обнаружившийся после войны и русской революции, когда человечество почувствовало потерявшим дорогу и зашедшим в тупик, в чисто идейном отношении подготовлялся уже давно, в ряде господствовавших общественно-философских течений. Из них мы укажем здесь лишь на одно, в этом смысле, быть может, главнейшее: на укрепившийся в связи с успехом исторического знания и проповедуемый в течение последнего века, как высшее завоевание человеческого знания, исторический релятивизм. Тщательное и пристальное изучение прошлого привело к убеждению, которое раньше было неизвестно, – к убеждению в полном своеобразии эпох, их мировоззрений, жизненных идеалов и укладов. Отсюда возникло утверждение, что не существует и не может существовать вечных, истекающих из самой природы человека и из неизменной воли Божией, незыблемых законов и начал общественной жизни: каждая эпоха живет, мыслит и верит по-своему, так это есть, так это только и может быть, и потому так и должно быть. Усмотрение реальности исторического развития, исторической изменчивости есть, конечно, большое и ценное достижение человеческой мысли, которое и практически может дать многое для осмысления жизни. Но когда оно принимает форму исторического релятивизма, когда оно ведет к забвению или отрицанию вечных и неизменных начал жизни, то оно ведет к нигилизму, к неверию. Подобно тому, как

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
человек, дошедший до Протагоровского сознания, что каждый человек думает по-своему и что «истина то, что каждому кажется истиной», сам не может иметь никакой истины, не может уже ни во что верить, так и эпоха, дошедшая до сознания, что каждая эпоха думает и живет по-своему, сама уже ни о чем не в состоянии думать и не знает, как ей надо жить. Прежние эпохи жили и верили, нынешняя обречена только знать, как жили и во что верили прежние. Прежние эпохи не в силах были понять порядки и верования, противоречившие их собственным. Мы теперь можем понять все – потому, что не имеем ничего собственного или, наоборот, потому, что мы поняли все, мы утратили свое; во всяком случае, широта понимания и научная объективность искуплена здесь совершенной безличностью и бесхарактерностью. И с горечью начинаем мы усматривать, что именно потому, что мы понимаем все, чем жили прежние эпохи, мы не понимаем одного, самого главного: как они могли вообще жить, как удавалось им вообще верить во что-либо. Так обнаруживается, что для того, чтобы какая-либо эпоха (как и отдельная личность) могла иметь свое особое лицо, свой своеобразный облик, она должна, прежде всего, верить не в свое собственное своеобразие, а во что-то вечное и абсолютное; что прежние эпохи имели историю именно потому, что они не потопили в знании истории своей веры и воли. Они творили историю, а намостается только изучать ее. И если история не остановилась и в наши дни, то не потому, что мы ее творим, а только потому, что она если не творит, то несет нас; бессильные создать и утвердить нашу собственную жизнь, мы не имеем даже и покоя неподвижности. Мутные, яростные потоки стихийных страстей несут нашу жизнь к неведомой цели; мы не творим нашу жизнь, но мы гибнем, попав во власть непросветленного мышлю и твердой верой хаоса стихийных исторических сил. Самая многосведущая из всех эпох приходит к сознанию своего полного бессилия, своего неведения и своей беспомощности.

В таком духовном состоянии самое важное – не забота о текущих нуждах и запросах дня и даже не историческое самопознание; самое важное и первое, что здесь необходимо – это усилием воли и мысли столкнуться с собой обессиливающее наваждение релятивизма, вновь проникнуться сознанием, что есть, подлинно есть вечные неизменные законы и начала человеческой жизни, установленные самим Богом и вытекающие из самого существа человека, и попытаться вспомнить хотя бы самые основные и общие из этих начал. Нужно понять, что – хотим ли мы того или нет, знаем ли мы то или нет – жизнь наша управляется некими независимыми ни от каких человеческих представлений, не подчиненными никакой моде и никаким историческим веяниям божественными началами, и что от нас зависит не создавать или изменять их, а только либо знать их и сознательно направлять по ним нашу жизнь, либо, не ведая, нарушать их и гибнуть от карающих последствий нашего неведения и нечестия. Мы должны вспомнить вечные слова Божественного законодателя Израилю: «Заповедь сия, которую я заповедаю тебе сегодня, не недоступна для тебя и недалеко. Она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто вззошел бы для нас на небо, и принес бы ее нам, и дал бы услышать ее, и мы исполнили бы ее?» И не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море, и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?» Но весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнить его. Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Если же отвратится сердце твое и не будешь слушать и заблудишь..., то я возвещая вам сегодня, что вы погибнете... В свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:11-19). Мы должны вспомнить слова древнего мудреца, который в то же давнее время услышал отклик этой божественной заповеди и возвестил ее Эллинам: «Человеческий нрав не имеет ведения, лишь божественный его имеет... Кто хочет говорить с разумом, должен укрепиться тем, что обще всем, как город – законом, и еще того более. Ибо все человеческие законы питаются единым божественным законом. Он повелевает всюду, довлеет всему и все побеждает». (Гераклит, fr.114 Deils). И мы должны вспомнить слова Божественного Спасителя: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все». (Мф. 5:17-18).

В нижеследующих строках делается попытка, исходя из элементарных, всякому доступных свойств человеческого общежития, путем философского анализа, но лишь в афористической сжатой форме наметить некоторые из самых общих начал, неизбежно лежащих в основе всякого общественного устройства, и тем с одной стороны пробудить в современном сознании забытую мысль о самом наличии таких вечных начал, и с другой – содействовать усвоению их содержания, хотя бы лишь в самых общих очертаниях... Этот анализ не претендует ни на полноту, ни на логическую законченность; он представляет

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
лишь как бы программу необходимых размышлений о забытых вечных основах общественного бытия.

1.

В основе всякой общественности лежит элементарный факт или начало солидарности, непосредственного единства многих, сопринадлежности отдельных людей к некому единому «мы». Постоянно повторяющиеся – начиная с Эпикура или даже с софистов, а в особенности в новое время, с Гоббса – попытки человеческой мысли отвергнуть это начало и утверждать возможность общественности на почве одного лишь разумного согласования единичных эгоистических волей в корне ложны и несостоятельны. Прежде всего, такое утверждение само по себе остается софизмом: никак нельзя вразумительно доказать, что человеку для его личного интереса полезно, напр., умереть для защиты родины, или даже воздержаться от обмана, воровства и насилия и там, где они могут пройти незамеченными и ненаказанными. А затем нужно еще показать, как возможно такое согласование волей: ведь для него необходимо восприятие чужой воли, непосредственное живое отношение к некому «ты», а последнее – как это легко было бы показать – уже предполагает привычное сознание принадлежности к «мы». «Мы» есть лоно, из которого произрастает и в котором утверждено всякое отношение между «я» и «ты». Всюду в жизни, где какое-либо «я» почему-либо не имеет живой интуиции «ты» через сопринадлежность обоих к общему «мы», общение становится невозможным, как бы полезно оно ни было: таково, напр., отношение к члену чужого народа, как к «гою», «нечистому», «басурману» и т. п. Другой человек может быть здесь в лучшем случае использован как орудие или животное, но «общения» с ним быть не может. Все теории, выводящие какие-либо формы общения из сочетания индивидуальных эгоистических волей, ложны: даже типически утилитарное общение на почве экономического обмена предполагает элементарную солидарность, доверие между людьми, иначе оно либо вообще невозможно, либо гибнет, выражаясь в попытках взаимного ограбления. Всякое общение предполагает какое-то единство бытия, нравственных понятий, – словом, какое-то взаимное «понимание», наличие «общего языка» – в буквальном и переносном смысле слова; и эта общность сама никак не может «произойти» из сочетания разрозненных волей, потому что это сочетание ее уже предполагает. Без этой общности нет ни семьи, ни экономического сотрудничества, ни государства. Так великий нравственный принцип: «люби ближнего, как самого себя», хотя бы в ослабленной умаленной форме простого усмотрения в другом человеке «ближнего», «себе подобного», восприятия его, как «ты», т. е. связанного со мною и тождественного «мне» существа, с участью которого связана моя участь – есть незыблемая и вечная основа, без которой немислимо никакое общество; и всяческий новейший «индивидуализм», что бы он ни проповедывал и сколько бы относительной истины в нем ни заключалось, не может нарушить или отменить этого первого и основного начала общественности.

2.

Столь же бесспорно, однако, в основе общения лежит и другое, в известном смысле противоположное начало: начало личной свободы, самостоятельности и спонтанного самообнаружения индивидуального «я». Какую бы роль в общественной жизни ни играл момент принуждения, внешнего давления на волю, – в последнем итоге участником общественности является все же личность, спонтанно действующая индивидуальная воля. Она есть единственный двигатель общественной жизни, и в отношении ее все остальное в обществе есть передаточный механизм. Существовали общества, основанные на рабском труде, и фактически во всяком обществе есть люди, доведенные до рабского состояния; но тогда они и не являются участниками общественной жизни. Никакой дисциплиной, никаким жесточайшим давлением нельзя заменить спонтанного источника сил, истекающего из глубины человеческого духа: самая суровая военная дисциплина может только регулировать и воспитывать, а не творить воина – его творит только свободная воля к подвигу. Жизненное существо общества есть именно индивидуальная человеческая воля, которая по самому существу своему не может не быть свободной. Человек есть именно «образ и подобие Божие» и не может быть превращен в вещь или в механическую силу, действующую только под ударом или давлением извне. Всякая попытка парализовать индивидуальную волю, поскольку она вообще осуществима, приводит к потере человеком своего существа, как образа Божия, тем самым ведет к параличу и омертвлению жизни, к гибели общества, вместе с человеком. Всякий деспотизм может вообще существовать, лишь поскольку он частичен, и со своей стороны опирается на свободную волю. Вот почему социализм в своем основном социально-философском замысле – заменить целиком индивидуальную волю, волей коллективной, как бы отменить самое бытие индивидуальной личности, поставить на его место бытие «коллектива», «общественного целого», как бы слепить или склеить монады в одно сплошное тесто «массы» –

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org есть бессмысленная идея, нарушающая основной, неустрашимый принцип общественности и могущая привести только к параличу и разложению общества. Он основан на безумной и кощунственной мечте, что человек ради плановости и упорядоченности своего хозяйства, своей материальной жизни, способен добровольно отказаться от своей свободы, от своего «я» и стать целиком и без остатка винтом общественной машины, безличной средой действия общих сил. Фактически он не может привести ни к чему иному, кроме разнузданного самодурства деспотической власти и отупелой пассивности или звериного бунта подданных. Ибо человек, который лишается человеческого образа, не может быть членом и участником общества: он может быть только зверем или домашним животным, и, поскольку вообще мыслима такая потеря человеческого образа, общества быть не может: остается только фактическое господство диких зверей над домашними животными, причем последние втайне остаются все же неукротенными и в любое мгновение могут обнаружить свою звериную природу. Социализм обречен гибнуть и от неподвижности, мертвости уже смешанного человеческого теста, и от таящегося в нем же хаоса неукротенной анархии.

3.

Таким образом, всякое общество по самому своему существу должно опираться одновременно и на солидарность, на внутреннее единство, и на внутреннюю же свободу индивидуального «я»; оно должно быть истинным, исконным целым (и не только мнимым целым, извне и механически слагаемой суммой частей), и целым, состоящим из самодовлеющих, изнутри себя живущих и действующих целых. Общество есть некое первичное «мы», исконное единство, вне которого нет никаких «я», и вместе с тем оно есть совокупность отдельных «я», каждое из которых, будучи образом и подобием Божиим, единственно, неповторимо и живет изнутри себя самого. Другими словами, поскольку «мы» и «я», общество и личность, мыслятся первичными началами человеческой жизни, они стоят в непреодолимом и непримиримом противоборстве друг к другу. Каждое из этих начал не производно в отношении другого: «мы», сложное из самодовлеющих «я», вообще не есть «мы», ибо «мы» есть единство «я» и «ты», т. е., предполагает некое самопреодоление «я», выхождение его за свои собственные пределы, внутреннее самоотречение; но и «мы», ради своего осуществления загубившее «я» – тоже не есть истинное «мы», а есть мертвая масса; и, с другой стороны, «я» есть одновременное и первичное, в себе утвержденное начало – ибо только такое, из глубины бытия идущее спонтанное самообнаружение мы и называем «я», личностью, человеком, и существо, которое только и мыслимо в составе «мы». В лице «мы» и «я», в лице начал солидарности и свободы, мы имеем два соотносительных начала, каждое из которых носит на себе печать абсолютного и первичного бытия, противоречит другому. Это не есть просто теоретическое противоречие наших понятий. Это есть реальная трудность: всякое общественное человеческое бытие, поскольку оно мыслится или само мыслит себя, как утвержденное в себе самом, как последняя самодовлеющая реальность, раздирается непримиримым противоречием между началами солидарности и свободы, общественности и личности. Начало солидарности испытывает всякую индивидуальную свободу, как умаление себя самого, как угрозу своему бытию; начало свободы испытывает всякое общественное единство, как уничтожение себя. И дело обстоит здесь не так, что одно начало может одолеть другое и восторжествовать за счет его умаления или уничтожения; так как противники связаны между собой неразрывными узами, то побежденный увлекает в своем падении и победителя, и оба гибнут вместе. Общество, утвержденное на себе самом, т. е. только на реальности человеческого бытия, обречено поэтому гибнуть в круговороте и вечном противоборстве между деспотизмом и анархией.

Отсюда, прежде всего, следует ложность как либеральных, так и демократических теорий общества. Ни «права человека», ни «воля народа», ни то и другое вместе – не может быть основой человеческого общества. Ибо одно противоречит другому: «права человеческой личности», мыслимые как последние основания общества, отрицают первичность общественного единства; «воля народа», как абсолютная общественная основа, отрицает принцип личности. Возможен и фактически существует только какой-то эклектический, беспринципный компромисс между обоими началами, свидетельствующий о том, что оба они именно не суть первичные начала общественности. При подлинной вере в то или другое пришлось бы выбирать между безграничным деспотизмом общественного единства, уничтожающим личность – и вместе с ней само общество – и безграничной анархией, уничтожающей общественный порядок и вместе с ним и всякое личное человеческое бытие. Указанный же выше эклектический выход – понемножку от того и другого начала – не только беспринципен и, в сущности, свидетельствует о неверии в эти начала, но еще и потому не есть разрешение вопроса, что здесь идет речь не о механическом уравновешении двух разнородных и независимых сил, а об органическом

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
примирении взаимосвязанных и взаимноопределяющих начал, где умаление одного есть тем самым и умаление другого. Таким образом, здесь с одной стороны уже предполагается третье, высшее начало, в качестве, так сказать, суперарбитра над спорящими сторонами, и, с другой стороны, примирение достигается лишь в форме сокращения притязаний обеих сторон, т. е. умаление полноты целого. Либерально-демократическое общество, с одной стороны живет за счет какого-то, несознаваемого им иного начала, и, с другой стороны, не допускает подлинного расцвета и неестественного обнаружения лично-общественного человеческого бытия.

Это третье – онтологически первое, – ныне забытое или отрицаемое начало есть начало служения, начало утверждения всей человеческой жизни, как личной, так и общественной, в высшей, сверхчеловеческой, божественной воле, или начало благоговения. Оно выражено в заповеди: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею» (Втор. 6, 5. Мк. 12, 30). Конечно, и здесь современный человек полагает, что «rien avos change tout cela» и что эта первая заповедь совсем не есть подлинная основа его общественной жизни, которая, как он уверен, возможна без веры в Бога и любви к Нему. Но и здесь вечная, установленная Богом реальность не спрашивает о том, что думает о ней человек, и что он воображает о самом себе. Фактически основой всей общественной жизни человека, вне которой она вообще невысказана, является сознательно или бессознательно, понаслышке, традиции и привычке осуществляемое служение Богу: оно выражается в идее нравственной обязанности, которую одинаково имеет и личность, и общество. Где человек считает себя самого – индивидуально или коллективно – хозяином своей жизни, там общество существовать не может; идея самочинного устройства человеческой жизни, эта основная, доминирующая идея всего нового времени, поскольку она реально торжествует и воздействует на жизнь, приводит к гибели и крушению всякой общественности; если европейская общественность, которая в принципе мнит себя утвержденной на этой идее, еще не развалилась, то только потому, что бессознательно, неведомо для самой себя, она сдерживается еще не забытыми, живущими в ее крови религиозными традициями.

Прежде всего ясно, что – со стороны индивидуальной личности – не воля к самоутверждению и самовластию способна создать и сохранить общественную жизнь, а только ее самоограничение и самообуздание. Без чувства долга, без аскетичности невысказана никакая общественная жизнь; в противном случае космос общественности тотчас же разваливается на части и сменяется хаосом чистой анархии. Не стихийная половая страсть создает устойчивую семью – она только разлагает последнюю, – а ее самоограничение; не голод и корысть создают экономический строй, упорядоченное частное хозяйство и упорядоченное взаимодействие их между собой, – их создает честность, трудолюбие, ограничение потребностей, взаимное доверие, рождаемое выполнением обязанностей; не страх и не властолюбие творит государственное единство – оно создается готовностью к жертвам, аскетизмом воина и аскетизмом гражданского служения, верою в нравственную святость государственного начала. Человек, как таковой, не имеет вообще никаких «прирожденных» и «естественных» прав: его единственное и действительно неотъемлемое право есть право требовать, чтобы ему было дано исполнить его обязанность. Непосредственно или косвенно к этому единственному праву сводятся все законные права человека.

Но обязанность человека никогда не есть, в последнем своем основании, обязанность перед обществом: ибо какое право имело бы общество, как простое многоединство людей, требовать чего-либо от человека? Всякая обязанность человека есть его обязанность перед Богом, обязанность служения правде. Поэтому и всякое право общества, государства, власти над отдельным человеком может быть обосновано тоже только на его обязанности: общество или государство может требовать от человека того, и только того, что необходимо, для того, чтобы оно само могло исполнять свою обязанность служения правде. Не «воля народа», в которой нет ничего священного и которая может быть так же глупа и так же преступна, как воля отдельного человека, а только воля Божия есть истинный и единственный источник суверенитета. Что именно это есть основное и вечное начало общественного бытия, видно из того, что только в нем и через него могут быть примирены и подлинно согласованы противоборствующие начала «мы» и «я», солидарности и свободы. Где «мы» и «я» стремятся утвердить свою собственную власть, свое самодовлеющее бытие, они находят, как указано, в безвыходной коллизии между собой; но где каждое из них есть лишь путь и форма служения правде, борьба заменяется мирным сотрудничеством. Ибо только в этом случае сознание святости и абсолютности этих начал не ведет к притязанию на единодержавие каждого из них в ущерб другому: сознавая свою святость, как проводников и служителей правды, воли Божией, каждое из этих начал сознает свое

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
внутреннее средство с другим, ему противостоящим и его дополняющим «Я», которое уже не есть только отдельное и одинокое человеческое «Я», а есть «Я» богочеловеческое, как «Я с Богом» находит уже внутри самого себя отношение к «мы»; и «мы», которое уже не есть просто человеческое «мы», «воля народа» или «государство», а единство людей в Боге, находят также внутри себя каждое отдельное «Я», как органически сопринадлежащего к нему соучастника. Только общество, которое утверждено на служении правде, осуществляет и в своем целом, и в своих частях, то органическое многоединство, которое есть его подлинное существо. Вот почему вера в Бога и любовь к нему есть незыблемая и единственная подлинная основа общества. «Во все времена и повсюду – справедливо говорит итальянский философ Джоберти – гражданские порядки рождались из жреческих, города возникали из храмов, законы исходили от оракулов... воспитание и культура народа – из его религии. Религия в отношении всех прочих учреждений и порядков есть то же самое, что Сущее – в отношении существующего... т. е. динамическое и органическое начало, которое их производит, сохраняет, возрождает и совершенствует».

4.

Из усмотренного начала, в силу которого человек – как индивидуальный, так и коллективный – никогда не есть самочинный и самодержавный хозяин своей жизни, а есть служитель правды Божией, следует, что человек не «создает», не «делает» своей общественной жизни, а творит предначертания высшей воли, как они непосредственно вытекают из всего его исторического прошлого. Этим определяется принцип традиционализма, религиозно выраженный в заповеди о почитании родителей. Этот традиционализм есть не слепое поклонение прошлым формам жизни, в которое он часто вырождается, а благоговение перед сверхвременным единством истории, как богочеловеческого процесса и вытекающее отсюда уважение ко всему прошлому жизненному опыту человечества. Самочинная свобода целого поколения, людей сегодняшнего дня, есть такое же разрушающее жизнь бесчинство, как и самочинный произвол личности. Требование исторической непрерывности, уважения к прошлому и укорененности в нем есть не просто директивное предписание, которое человек может по желанию выполнять или не выполнять. Это есть, как и все вечные начала, лежащие в основе общества, закон жизни, на котором она зиждется и вне которого необходимо гибнет. Всеединство человеческой жизни, в силу которого всякое «Я» укоренено в «мы» и живет и развивается только в его лоне, имеет и временное измерение, в котором оно есть сверхвременность. Общество как духовное единство, никогда не вмещается в миг настоящего, в сегодняшний день; оно есть только тогда, когда в нем в каждое мгновение живет все его прошлое; его «сегодня» есть только связь между его «вчера» и «завтра». Только если в детях живет душа и воля отцов, они имеют жизнь, чтобы передать ее внукам. Во всякое мгновение в обществе действуют законы и обычаи, установленные давно умершими людьми и выражающие их волю и веру, обращаются материальные и духовные капиталы, накопленные трудом прошлых поколений. Попытка оторваться от этого прошлого, заново из ничего создать свою собственную жизнь, «учредить» новое общество есть безумие нечестия, которое равносильно самоубиению и не кончается смертью, только, если силы прошлого, после краткого паралича, вновь пропитывают собою жизнь; эта попытка равносильна попытке вылить из человека всю кровь, накопленную прошлым питанием, и влить в него совершенно новую, им самим только что приготовленную кровь. Революции, которые суть выражения такой попытки, правда, психологически всегда обусловлены тем, что в крови накопились отравляющие общественный организм яды, которые и влекут к этому самоубийству с безумной мечтой начать жизнь сначала, тем не менее, по существу они суть именно такое самоубийственное нарушение основного начала непрерывности и сверхвременности общественной жизни; как всякое нечестие, они караются либо смертью общества, либо изобличением своего бессилия и своей лжи. После опыта великой французской революции европейская мысль, в лице самых пронизательных и духовно-зрелых своих представителей, как Жозеф де-Местр и Эдмунд Берк, вновь осознала этот основной закон исторической жизни, по которому общество не делается и не учреждается людьми, а творится на подобие органических существ, произрастая из прошлого. В настоящее время эта истина снова в значительной мере забыта – и притом не только революционерами, все мирозерцание которых основано на ее отрицании, но и их политическими противниками, которые в своей мечте усилием личной воли и мысли вновь построить разрушенные старые формы жизни вместо того, чтобы опереться на живые силы прошлого, еще действующие в настоящем, и помочь им органически и в новых формах воссоздать нарушенную непрерывность жизни, – свидетельствуют о том, что они утратили непосредственное чутье живой значительности этой истины. Но и помимо этих резких уродств общественной мысли, есть много понятий и принципов

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org современного общества, которые противоречат этой незыблемой истине; она нарушена и в идее «учредительного собрания», и в идее равного и прямого избирательного права, по которой воля и даже сегодняшнее настроение совокупности живущих в настоящий момент людей должна державно определять судьбу государства. Коротко говоря: где забыта основная истина, что человеческая жизнь подчинена вечным общественным началам, там неизбежно забывается и мысль об основном, сверхвременном или сверх историческом единстве человеческой жизни, и общество мнится, как создание сегодняшнего дня. И наоборот: из усмотрения вечных основ общественной жизни непосредственно вытекает признание единства ее движения, внутреннего, неустранимого соучастия прошлого в настоящем, как необходимого условия самой жизни, т. е. самого творчества нового. Господствующая ныне антропократия приводит неизбежно к потере исторической памяти и отсюда – к шаткости, эфемерности общественного бытия; это есть ее имманентная кара. Напротив, теократия (в широком первичном смысле слова), как утверждение общественного бытия на сознании вечного, укрепляет и память о прошлом, присутствие прошлого в настоящем и есть необходимое условие подлинной силы и творческой значительности общественной жизни.

5.

Из сознания, что общественная жизнь строится не по самодержавному произволу людей, ее участников, а в согласии со сверхчеловеческим, божественным началом подлинной Правды, что она подчинена объективным, независимым от человеческой воли и человеческих мнений законам, вытекающим из Богом определенной природы человека и мира – вытекает с необходимостью также признание начала авторитета. Всякая общественная власть, всякое подчинение, которое, как уже указано выше, в конечном счете, должно быть добровольным, вытекает из сознания, определенного верой в правду и готовностью служить ей, что между людьми есть объективное различие в степени знания и овладения правдой, что между людьми есть мастера, подмастерья, ученики и невежды, и что менее знающий и умелый должен подчиниться мастерам и знатокам дела. Одним из самых зловердных и губительных для общества заблуждений демократического строя является идея, что последней высшей инстанцией государственной жизни служит ничем не мотивированная воля, «le bon plaisir» массы, избирательного стада – так же, как в абсолютной монархии ею служило «le bon plaisir» монарха, правило «sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas». В сущности, и эта демократическая идея не может обойтись без принципа авторитета и действительно истребить его – именно потому, что он есть божественный закон, определяющий самое существо человека и потому незыблемый; но она искажает и извращает его; в силу ее, авторитетом становится не действительный «мастер», лицо более высокого духовного и умственного уровня, а, как известно, демагог, сумевший польстить массам, понравиться им и внушить к себе безотчетное доверие. Истинное же, подлинное основание авторитета есть «харизма», сознание произвольно-человеческой, а объективно-божественной избранности человека, его предназначенности для общественного водительства. Авторитет совсем не тождествен с властью, в нем нет ничего принудительного, он есть свободное усмотрение духовной значительности лица, его способности быть наставником и водителем; авторитет есть и в религии, и в научном знании, во всяком человеческом деле; но всякая власть, в конечном счете, основана на авторитете. Не потому власть авторитетна, что она есть власть, а, напротив, потому она есть власть, что она авторитетна. Конечно, власть основана также на авторитетности порядка, ее определяющего и поставляющего и с государственно-правовой точки зрения подданный не может ставить повиновение в зависимость от своего личного мнения о личной авторитетности для него данного носителя власти; но авторитетность самого порядка, правовой основы власти, определяется тем, что, по убеждению его участников, он дает максимальное вероятие, что власть будет принадлежать подлинно авторитетным лицам. Последняя задача и последнее оправдание всякого государственного строя, всякой «конституции» не в том, что она обеспечивает свободное «волепроявление» самодержавного народа, возможность народа жить, как ему «хочется», а в том, что она обеспечивает подлинно правильно плодотворное, умелое управление, что она ставит надлежащего человека на надлежащее место. Этим совсем не устраняется самый момент «избрания», который в какой-то форме неизбежен в обществе, но ему придается совершенно иной, чем в демократии, смысл: в избрании народ выражает не свою самодержавную, никакими объективными основаниями не мотивированную волю, а лишь свое сильное мнение о подлинно объективной авторитетности избираемого.

Производным последствием принципа авторитета является принцип иерархизма. Общественное бытие, как и все космическое бытие, не есть по самому существу своему однородная и уравненная масса, оно имеет

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
иерархическое, ступенчатое строение: «Иная слава солнца, иная луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор. 15:41). Так как общество есть конкретное воплощение общественной, онтологической правды, то строение его должно отражать различие между онтологической значительностью отдельных его членов и соучастников. Чем глубже и полнее проведен этот принцип и чем сознательнее он воспринимается и утверждается, тем жизненнее, сильнееи плодотворнее общественная жизнь. В сочетании с многообразием качественных функций общества, как органического целого, и множественностью количественных сфер или как бы концентрических кругов, охватываемых общественным объединением, принцип иерархизма приводит к сложному качественному и объемному расчленению общества, к многообразному комплексу подчинений и соподчинений. В этом смысле провозглашенное французской революцией и в известной мере легшее в основу современных обществсправило, по которому между народом, как совокупностью отдельных людей, и высшим государственным единством, нет никаких промежуточных ступеней и инстанций, совершенно ложно, так как обусловлено именно атомистически-уровнительным представлением об общественном бытии. Всякое живое, плодотворное, подлинно компетентное общественное делание необходимо предполагает, напротив, иерархическую структуру, связь человека с высшим единством через посредство ближе ему доступных и более обозримых промежуточных объединений. Основанное на принципе авторитетности или онтологической значительности подлинное использование способностей, знаний и умений человека и определение ему места, действительно соответствующего его относительной значительности и ценности, возможно только при таком максимально-иерархическом строении общества, которое именно наиболее адекватно Богом установленной природе самого бытия.

6.

Только иным выражением того же начала является принцип аристократизма, принцип господства – во всех областях и на всех ступенях общественной жизни – подлинно лучших, достойнейших. Но принцип аристократизма имеет и другую, еще не указанную доселе сторону, с которой он есть необходимое господство в обществе меньшинства; еслине бояться слова, опороченного неправильным пониманием и извращением его подлинного смысла, то это можно было бы назвать принципом олигархии (но, быть может, лучше, во избежание недоразумений, обозначить его новым словом олигократии). И здесь, вопреки господствующим понятиям, согласно которым верховенство принадлежит всегдабольшинству, надлежит сказать: во всяком обществе и при всех формах правления, хотя ли того люди или нет, в силу неизменного и ненарушимого вечного закона общественной жизни, подлинная власть и влияние принадлежит всегда не большинству, а именно меньшинству; и разница между различными порядками и идеалами лишь в том, признают ли они открыто и покорно это начало и стараются ли сознательно его осуществить, или они его отрицают и потому вынуждены использовать его лицемерно, исподтишка и в известной степени случайно и непланомерно. Один из тонких современных политических мыслителей правильно замечает: «Позади демократической формы, как она представляется извне, скрывается гораздо больше феодализма, чем это подозревает народ, который дает себя обманывать видимостью и словами. Авгурь всех партий хорошо это знают, и где они между собой, они обмениваются многозначительными улыбками». Правит ли народом дворянство, или бюрократия, или вожди партий, или политическое бюро коммунистической партии (как сейчас в России) – как бы велики ни были различия этих форм правления или, вернее, правящих слоев, этим различием не нарушается общеправило, по которому избранное меньшинство правит большинством.

Меньшинство призвано к власти и влиятельности не только потому, что оно всегда толковее, сознательнее, разумнее большинства, что мнение и воля меньшинства, по общему правилу, ближе к истине, чем мнение и воля большинства; ему принадлежит общественное водительство еще и по той простой причине, что общество есть не простая суммаили механическое взаимодействие множества отдельных людей, а единство, подлинное единство мыслящей, а вместе с тем действенной воли, а такое единство может найти свое выражение только в сознании избранного меньшинства. Масса, по своему существу, пассивна и хаотична; она существует, как общество, только поскольку она пропитана единством мысли и воли, которое, в силу начала иерархичности, всегда идет сверху. Принцип авторитета в сочетании с принципом исконного единства или солидарности необходимо приводит к господству принципа меньшинства. При демократических и демагогических общественных порядках, которые принципиально, на словах отвергают это начало, оно, как указано, пробивает себе путь контрабандно, действует исподтишка; но именно при этих порядках есть больше всего шансов, что это начало вырождается в олигархию в дурном смысле, что законное, основанное на внутренней авторитетности, господство меньшинства, заменится незаконным властвованием случайного

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
меньшинства, если не просто насильников и шарлатанов, то самых ловких и беззастенчивых; и это, как известно, есть общее правило и для всех демократий, и для всех демагогических деспотий.

По тем же основаниям, в силу которых во всяком обществе действует принцип олигократии, – действует и принцип единовластия (монократии, чтобы и здесь избежать уже использованного в определенном историческом смысле термина монархии). Где и поскольку в обществе имеется потребность не просто в водительствующей мысли, а в быстро действующей организующей воле – там и постольку в ней неизбежен принцип единовластия. Таково, как известно, происхождение всех монархий: монарх есть вождь, по большей части военный, необходимый организатор, спаситель или охранитель общества. И с другой стороны, все народные восстания и движения с необходимостью ведут к появлению такого же единовластного вождя, который, «мнимым образом являясь «представителем» и «уполномоченным» народа, на самом деле есть его повелитель. Единовластие (в той или иной форме) есть форма правления, адекватная потребность в действенном организационном единстве и потому выражающая онтологическое единство самого общественного бытия. Этот принцип выражен в гомеровских словах: «нехорошо многовластие, да будет единый владыка». И здесь также обнаруживается, что основные законы общественной жизни, в сущности, неизменимы, что у народа есть выбор лишь между разумным усмотрением необходимости закона и свободным следованием за ним, с одной стороны, и слепым, вынужденным и потому извращенным его выполнением. *Fata volentem ducunt, nolentem traunt*. Всякая революция, всякое восстание против «деспотизма власти» по общему правилу ведет к тому, что народ попадает в подчинение своему вождю и помимо своей воли утверждает гораздо более деспотическое и неограниченное единовластие, чем то, которое он свергнул. Единовластие в той или иной форме – есть в такой же мере адекватная форма выражения внутреннего единства общества в области организующей, общественно творческой воли, как власть меньшинства есть адекватная форма постоянного, длительного направления общественной жизни. Принцип аристократизма в сфере общественной статики имеет свое выражение в олигократии, в сфере общественной динамики – в монократии.

7.

Но если из богоопределенной, теократической (в широком смысле) природы общества вытекают начала авторитета, иерархизма и аристократизма, то из нее же в связи с началом свободы, вытекает принцип всеобщности участия членов общества в общественной жизни и в этом смысле – их равенства. В антропократическом обществе, которое мыслится как обусловленное только человеческим произволом коллективное самоустроение, принцип равенства, как и все остальные принципы, приобретает извращенный смысл и является ложью. Основное демократическое требование равенства здесь вступает в конфликт с началами иерархизма и аристократизма, оно не имеет за себя никакого объективного основания, и есть беспредметное выражение субъективной зависти, оглядки на положение другого, желания, чтобы другой был не выше меня, или я не ниже другого. И так как объективно большинство стоит всегда на низшем уровне, чем избранное меньшинство, то фактически уравнение ведет к понижению уровня общественного бытия, к срезыванию его вершущих. Истинный принцип равенства возможен только на основе теократического жизнепонимания; как бы это не показалось парадоксальным с точки зрения ходячих идей, он сам произведен от принципа иерархизма. Всякое равенство есть не только равенство между одним и другим, так чтобы было достаточно сравнения двух объектов, чтобы установить их равенство. Равенство устанавливается в определенном отношении, и всегда в виду и на основе какого-то, соотносительного ему неравенства: общий уровень, обосновывающий равенство, предполагает иные, низшие и высшие уровни. Есть только одно отношение, в котором люди действительно, т. е. онтологически равны: это есть их отношение к Богу. Все люди равны перед Богом, и притом в двояком отношении: перед лицом Бога все люди, с одной стороны, суть тварные создания, существа, исполненные бессилия и греховности и сознающие свое общее ничтожество, свою противоположность Богу; и, с другой стороны, всякий человек – по сравнению со всем остальным тварным миром есть существо высшее, образ и подобие Бога и потенциально «сын Божий», существо аристократическое по своему онтологическому происхождению и назначению. Из первого отношения вытекает не равенство прав и притязаний, а равенство нищеты, недостойности и смирения; никто не вправе считать себя выше других в этом отношении, не видеть в другом человеке равного себе соучастника общей нужды и общей задачи совершенствования. Из второго отношения вытекает также не равенство прав, а равенство достоинства и обязанностей, определенных достоинством, по принципу «*noblesse oblige*». Это истинное, онтологически обоснованное, аристократическое сознание равенства, которое мы имеем во всякой аристократической корпорации – в дворянстве, начиная от

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
царя до последнего захудалого дворянина, в офицерском обществе, начиная от главнокомандующего до последнего прапорщика – есть чувство уважения к себе и к другим, сознание необходимости оправдать свою избранность и оказаться достойным ее, а также уважать чужую избранность. В единстве обоих отношений, – единстве, которое утверждено самым полным и адекватным религиозным сознанием – христианским, – бытие человека в своей основе постигается, как свободное служение, свободное соучастие сына в деле Отца, как в своем собственном деле. В истинной человеческой жизни, а потому и в истинной, онтологически адекватной общественной жизни все люди одинаково (хотя каждый на своем месте и со своим особым содержанием) призваны к этому свободному служению, никто не исключен из него, никто не является только объектом, а не субъектом общественного служения. Равенство есть не что иное, как всеобщая призванность к свободному служению. И так как служение по самому существу своему обосновывает, как мы видели, иерархизм, то равенство не противоречит здесь неравенству, а согласуется с ним и его пронизывает – так же, как равенство офицерского звания не противоречит иерархическому строению командного состава. Каждый человек имеет равное достоинство – именно тогда, когда он стоит на надлежащем ему месте иерархической лестницы и потому выполняет единственное основание равенства – определенное ему служение.

Это начало всеобщности и принципиального равенства служения есть выражение более глубокого и первичного начала общественной жизни, которое мы назовем началом теофании. Воля Бога и определенные Им вечные начала человеческой жизни должны, в силу богоподобия и богосыновства человека, осуществляться свободной волей человека, а не вынуждаться от него насильственно. Бог должен властвовать только над человеческими сердцами, и закон должен быть написан в сердце человека, так чтобы свободная действительность человека была самообнаружением Божества, теофанией. То, что мы называли доселе теократией в широком смысле слова, онтологически возможно только в одной форме – в форме теофании. Напротив, теократический в узком смысле слова общественный строй, который есть иерархия, насильственное принуждение людей немногими избранными служителями Бога исполнять волю Божию, не соответствует истинному онтологическому отношению между человеком и Богом и есть извращение истинной теократии или, во всяком случае, ее самая грубая и низшая форма, относительно пригодная разве только пропедевтически, на самых низких ступенях духовного развития, и относительно оправданная лишь как подготовительная ступень к свободной теофании. Это относится не только к «теократии» в техническом обычном смысле слова, т. е. к строю, в котором власть принадлежит духовенству, «жрецам» или представителям церкви, но и к скрытой теократии, религиозно-обоснованной патриархальной монархии, и ко всякому строю, основанному на всесторонней и абсолютной опеке одних слоев другими.

Принцип свободной теофании есть также вечное и неизблемое начало, которое, в сущности, не может быть нарушено без ущерба и умаления общественного бытия. Это вытекает из того, что выше было сказано о принципе свободы. Последний источник действительности, общественного строительства и общественного самосохранения, лежит в человеческом сердце, есть свободная человеческая воля, которой чужая воля может помочь, которую она может направлять и организовать, но которую она не может заменить. Где парализовано или предано забвению начало всеобщего свободного служения, там, с одной стороны, в известной мере парализована ослаблена сама общественная жизнь и, с другой стороны, подпольно взращиваются в человеческой душе анархические страсти, подготавливается бунт, растет идеал самочинного устройства. Вся т. наз. «новая» европейская история – история восстания человека против Бога и самочинного построения им вавилонской башни, вплоть до последнего ее достижения – коммунистического рабства – есть расплата человечества за забвение или умаление в прошлую эпоху начала свободной теофании.

8.

Из принципа свободной теофании вытекает еще один вечный и необходимый принцип общественной жизни – принцип двуединства духовного и мирского, различения и согласования внутреннего, сущностно-нравственного служения человека и внешнего, производно-нравственного, именно государственно-правового его служения. Этот принцип впервые с полной ясностью раскрыт в христианстве в завете: «Отдавайте Богу Богово, и кесарю – кесарево». Ибо человек онтологически есть двойственное существо: он есть, одной стороны, «образ и подобие Божие» в мире, составляя интегральную часть мира, более того – будучи микрокосмом, т. е. сосредоточивая в душе все силы, определяющие мир и образующие его существо. И, с другой стороны, человек есть сын Божий, существо, родственное Богу и укорененное в Нем; его жизнь в последней, глубочайшей своей основе утверждена в Боге, как и Бог

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org живет в нем. И в обоих этих отношениях – и в обоих сразу, поэтому сразу двумя путями – человек должен осуществлять волю Божию, совершенствовать жизнь, приближать себя к совершенству Бога. Истинное отношение Бога к человеку есть отношение трансцендентно-имманентное; Бог в отношении мира и человека, как соучастника мира, есть Существо трансцендентное, воля которого налагается на жизнь извне, в форме закона, исправляющего, сдерживающего и организующего спонтанно-хаотические силы мира; и одновременно Бог, как Богочеловек, есть имманентное существо, изнутри объемлющее душу человека и внедряющееся в нее начало самой внутренней сущности жизни человека. Все формы общественной жизни, которые либо смешивают эти два порядка или слоя бытия, либо отрицают один из них, либо, наконец, вместо нераздельного двуединства полагают между ними абсолютное разъединение, онтологически ложны и потому внутренне несостоятельны, больны и бессильны. Современное сознание, утерьявшее понимание религиозных основ общественности, совершенно беспомощно в уяснении как необходимости двуединства права и нравственности, так и истинного смысла и основания их различия; в особенности, когда нравственный закон, оказывается совершенно непостижимым, почему собственно человеческая жизнь нормируется не одной, а двумя инстанциями, из которых одна разрешает то, что запрещает другая, причем обе одинаково авторитетны. Отсюда создается шаткое, неуверенное состояние нравственно-общественного сознания, и постоянные попытки прямолинейных умов смешать эти инстанции воедино или отрицать одну из них. Таково толстовство, отрицающее самостоятельное значение права и государства и в сущности возрождающее древнейшую ересь христианского анархизма, победоносно опровергнутую еще апостолом Павлом; таков социализм, приписывающий праву функции нравственности и потому возрождающий теократию, которая в силу безбожия и человекобожества, является здесь, как сатанократия. С другой стороны, современная секуляризованная демократия, основанная на антропокрации и отделяющая церковь от государства на том основании, что отношение человека к Богу никаким образом не должно определять его общественной жизни, которая есть самочинное создание самого человека, – либо лишает право и государство всякой нравственной основы и смысла, превращает его в человеческое своеволие, либо вызывает государственно-правовое идолопоклонство, приписывая праву самодовлеющий и державный нравственный авторитет; или, вернее, она вынуждена одновременно утверждать обе, противоречащие друг другу позиции, сразу совмещать атеистический цинизм с фарисейством. Из этого же забвения религиозного двуединства права и нравственности вытекает распространенность утопизма, постоянная и вечно бессильная мечта устроить, наконец, порядок, который сам обеспечивал бы добро и правду человеческой жизни, ипостоянное горькое отрезвление, тягостное сознание, что эта мечта неосуществима. Эта мечта о насаждении извне, с помощью государственно-общественных порядков, правды на земле есть неизбежный обманчивый суррогат подлинной обоснованности государственно-правовой жизни на сущностной нравственности – обоснованность, которая имеет место именно при ясном различии между тем и другим, как между центром и периферией, первичной и вторичной сферой человеческой жизни.

Подлинно прочное, согласованное и одухотворенное, сочетающее повиновение со свободой общественное устройство возможно только на почве указанного двуединства, его ясного осознания и последовательного осуществления. Если общая религиозная обоснованность общественности на начале служения Божьей правде, одна только как мы пытались показать, в состоянии разрешить трагическую антиномию между солидарностью и индивидуальной свободой, то антиномию между суверенностью государственно-правового принудительного нормирования жизни и внутренней религиозно-нравственной свободой может разрешить только христианское сознание Богочеловечества, из которого вытекает двуединство права и нравственности. В основе всякой власти лежит, как мы видели, свободный авторитет; истинная теократия есть теофания, свободное обнаружение божественных начал в человеческой совести и определенной ею нравственной воле. Но в состав свободного подчинения нравственному авторитету и нравственной правде входит как его интегральная часть, дополняющая непосредственную богочеловеческую жизнь и помогающая ей утвердиться в мире, свободное признание начала порядка и закона вообще, нравственная обязанность обуздывать хаотические силы мира в человеческой жизни, нравственная обязанность повиноваться власти, как органу Божьей воли о внесении порядка в мир. «Нет власти еще не от Бога»; «да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли». Все споры о значении права и государства, о допустимости или недопустимости принуждения, безнадежно спутаны непониманием различия между функциями и существом права и нравственности. Накопление добра и уничтожение зла, конечно, никогда не достигается

Франк С. Религиозные основы общественности filosoff.org
непосредственно никаким принуждением, никаким правом или государственным строем: оно есть дело развития сущности нравственной жизни, непосредственного вращивания человека и человечества в Сущее Добро или вращивания его в себе. Но из этого совсем не следует, что момент принуждения и внешнегонормирования лишен нравственного смысла или даже нравственно воспрещен. Ибо кроме сущностного вращивания добра и вытеснения им зла, кроме непосредственной жизни в Боге, у человека есть иная задача: выполнения в мире трансцендентной воли Бога путем ограждения мира от зла и бережения в нем сил добра, через соблюдение истинного, соответствующего этой цели, порядка жизни. Наилучший государственный порядок не может внести в жизнь ни йоты сущностного, субстанциального добра, не может уничтожить ни малейшей силы зла; это так же невозможно, как невозможно создать гомункула в реторте, как увеличить путем механических комбинаций количество материи в мире ни на один атом. Но вместе с тем не только суверен, монархи, но и последний городской, исполняющий функцию «тащить и непуцать», выполняет волю Божию, ограждая жизнь порядком, сдерживая разрушительные силы зла и создавая условия свободного накопления сущностных нравственных сил на земле. Царство Божие невозможно на земле до ее совершенного преобразования, ибо «Царство Божие внутри вас есть», но воля Божия может и должна исполняться на земле не только приобщением человека непосредственно к Богу, но и соблюдением порядка, соответствующего этой воле. Или, как говорил Вл. Соловьев – задача государства не в том, чтобы сделать земную жизнь раем, а в том, чтобы не допустить ее стать адом. Правда Божия одновременно осуществляется и непосредственно, через сущностную нравственную жизнь человека, и косвенно, через государственно-правовую организацию мирских сил человека.

Из уяснения подлинного смысла этого двуединства вытекает также, что не существует вообще идеального общественного порядка – ни в смысле порядка, абсолютно обеспечивающего добро и осуществляющего его во всей его полноте, ни даже в смысле одного единственного порядка, соответствующего вечной правде Божией. Существуют вечные начала человеческой жизни, несоблюдение которых грозит обществу гибелью, разложением или, по крайней мере, ослаблением и увяданием – эти начала мы и пытались выше схематически наметить. Но не существует и не может существовать одного единственного государственного порядка, одной формы правления, которая была бы единственно адекватной бытию человека и его ненарушимо отношению к Богу. Ибо порядок имеет целью организовать, сдерживать и воспитать силы мира, в согласии с основной нравственной задачей человека; он хорош, поскольку он достигает этой своей цели, а форма, в которой он ее может достигнуть, зависит, очевидно, от состава и качества того материала, который подлежит организации и упорядочению. Как не возможен один единственный школьный порядок, одна единственная система воспитания, а достоинство порядка определяется здесь тем, достигает ли он своей цели – дисциплинировать учеников, приучить их к вниманию, труду, развить их ум и волю, что, очевидно, достигается разными мерами в зависимости от возраста и духовного типа детей, так невозможен единственный государственный порядок: хорош и необходим тот порядок, который лучше других сумеет организовать данный человеческий материал, обеспечить свободу, согласованность и духовную производительность данного народа на данном уровне его духовного развития. Мера дисциплины и свободы, опеки и самостоятельности, единовластия и коллегиального управления, централизованности и децентрализованности, системы власти наследственной или власти избирательной зависит здесь исключительно от того, что в каждом данном случае и отношении, при данных материальных и духовных условиях, обеспечивает порядок, в максимальной мере авторитетный и укрепляющий основы нравственной жизни. Здесь действует одно только правило: «все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21). Всякое признание одного государственного порядка, одной формы правления единственным и абсолютным добром, есть идолопоклонство, извращающее истинные божественные основы общественной жизни и необходимо – в силу ненарушимости божественных заветов – рано или поздно караемое общественными бедствиями.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!